

*Секреты
женского счастья*

П Р О З А

Веры Колочковой

В Е Р А
Калачкова

Коварство,
или Тайна дома
с мезонином

Р О М А Н

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Художественное оформление серии
Н. Каштыкиной

Редактор серии *В. Горюнова*

Колочкова, Вера.
К61   Коварство, или Тайна дома с мезонином :
роман / Вера Колочкова. — Москва : Эксмо,
2024. — 288 с.

ISBN 978-5-04-198047-4

Тина живет тихой и спокойной жизнью в селе Белоречье. Кажется, что дни ее полны счастья и гармонии — есть уютный дом, любимый мужчина, любящие дочка и внучка. Но однажды на пороге дома появляются незваные гости — дети бывшего мужа приехали сообщить о его смерти. Этот визит пробуждает в Тине болезненные воспоминания о былой любви и страшной обиде...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-198047-4

© Колочкова В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Россия может разделить судьбу Древнего
Рима: культура останется, а народ исчезнет.

Владимир Набоков

Глава 1

День выдался тем самым — особенным, легко летящим и осязаемо счастливым. Не ярким и не жарким. Перетек ласково теплым песком из горсти в горсть, от утра к полудню. Тина очень любила такие дни. Они образовывались как-то сами собой, с первого момента пробуждения, будто ощущение счастья давно стояло около ее кровати, улыбалось тихо и только того и ждало, когда ж она изволит проснуться наконец, чтоб тут же устроиться у нее внутри поудобнее. Нет, ничего такого особенного, конечно, в такие дни не происходило, да и не должно было произойти. Все, в общем, как обычно — вон Анята проснулась и, накормив грудью маленькую Сонечку, устраивает ее в коляске под старой грушей, вон соседка тетя Таня, повязавшись по-деревенски белым платочком, склонилась над грядкой и подслеповато щурится в буйно разросшееся ее огуречно-кудрявое плетение. И с речки слышны ломкие мальчишеские голоса, и плеск воды,

ВЕРА КОЛОЧКОВА

и музыка с соседней дачной усадьбы... Все, все как обычно. И только поселившись в ней с самого утра счастье живет отдельной, своей жизнью, пропуская через себя простые картинки летнего бытия и заставляя то замирать на вдохе, то блаженно улыбаться или, того глупее, долго смотреть, задрав голову, на плывущие по небу облака и слушать, слушать, слушать... В такие дни надо именно слушать, она это давно уже поняла. В такие дни солнце поет совсем тоненькой ноткой, когда льется с неба вот так, не изнурая, тихой и нежной июльской благодатью, отдаваясь прозрачному еще от ночной прохлады воздуху, который тут же и отзывается ей навстречу низким, чуть глуховатым благодарственным бархатом-звоном, принимая в себя солнечную нежность. И с пролетающих мимо облаков льется вниз своя мелодия — торжественная, высокая и самую чуточку горделивая — и ложится тонкой белой драгоценностью, как жемчуг в коробочку, в этот бархатный звон, вплетаясь очень удачно в музыку летнего счастья. Она слышит его, точно слышит! Вот и душа ее, торопливо почистив слежавшиеся мятые перышки, устремилась красивой белой птицей музыке этой навстречу и вместе с залетевшим во двор гуленой-ветром затевает свои игры на траве, на цветах, на дальнем

Коварство, или Тайна дома с мезонином

пригорке, на видимом с усадьбы белом берегу реки...

В такие дни Тина старалась жить, ни на что особо не отвлекаясь. Сама с собой и с живущим у нее внутри счастьем, сплошь состоящим из звуков, ощущений и особенного какого-то, до дрожи радостного волнения. Сил от него набиралась для жизни. Плавала, купалась в нем, улетала рука об руку со счастливой душой к небу. А то вдруг с солнечным лучом дружила-обнималась или шорох травы под босыми ногами внимательно слушала...

Нет, в обыденной жизни она была просто женщиной. Самой обыкновенной, с несложившейся, по принятым людским меркам, бабской судьбой. И с грузом нелегко прожитых лет за плечами. И с подкравшимся незаметно пенсионным возрастом. А вот поди ж ты — как повезло ей с этими счастливыми днями-то. Не забывает про нее ребячье звенящее счастье, никак не дает душе повзрослеть, да и телу не дает расплыться-раскиселиться, как ему и положено к законным своим пятидесяти пяти годам. Кажется, вот и сейчас бы запрыгала-завертелась, раскинув широко руки да прогнувшись в спине, как малолетка какая. Или как та героиня Островского, которая все взмыть над обрывом птицей пыталась. Хотя ну ее. Не надо про нее, и без того надоела за

ВЕРА КОЛОЧКОВА

тридцать долгих учительских лет — за такое время и самый яркий луч света в темном царстве погаснуть может. Вот героиня любимого Антона Палыча — те нет, те не надоели. С ними она, можно сказать, с детства дружит. Или, как недавно выразилась Аня, страдает комплексом «врожденной чеховоманки». Тоже нашлась юмористка доморощенная. Еще дочь называется...

Улыбнувшись, Тина прошла по мягкому ромашковому ковру в конец двора, заросшего по периметру шершавыми стволами подсолнухов попеременно с кустами золотых шаров — много желтого, хороший цвет, — тихо опустилась на бревна, почерневшие и порядочно потрескавшиеся от долгого лежания под снегом да дождем. Кто и зачем сюда привез эти бревна, она уже и не помнила. Но сиживать на них любила — особенно в такие вот дни. Ей казалось, что именно в этом уголке как раз все и сходилось в одну звенящую точку: и музыка солнца, неба и воздуха, и летающая рядом счастливой птицей душа, и вся прелесть летнего ее в этом дворе бытия вместе с приехавшими из города на выходные дни дочерью с внучкой... Закрыв глаза и откинувшись спиной на теплые бревна, она попыталась даже впихнуть каким-то образом в этот счастливый ряд и вопрос обыденный, то есть осмелилась подумать о том, что же бы ей такого хорошего на

Коварство, или Тайна дома с мезонином

обед приготовить. Ответ на вопрос пришел сам собой, тоже будто из этого счастливого ряда выплыл: готовь, мол, дорогая наша Тина, окрошку да оладьи со сметаной, и чтоб запах от них на всю усадьбу стоял. Не хватает, мол, в нашем счастливом ряду обыкновенного сытного земного запаха...

«Сейчас полежу еще пять минут и пойду, — решила Тина, чуть приподняв голову и взглянув на Сонечкину коляску — не проснулась ли ее драгоценная внученька. — Надо Анюту хоть в выходные поесть заставить, иначе погибнет на своей диете. И с чего это взяла девчонка, что она толстая? Не толстая вовсе, а справная, как раньше в деревнях говорили. Кровь с молоком. Да и нельзя ей худеть, пока Сонечку кормит... Сейчас-сейчас... Еще пять минут... Уже встаю...»

— Тина! Тиночка! Ты где? Слышишь ли меня? Гости к тебе, Тиночка! — ворвался в счастливое ее состояние голос соседки тети Тани, и с ним одновременно гукнула нетерпеливым коротким звуком подъехавшая к воротам машина. Звук гудка был слуху незнакомым — Лёнина машина так никогда не гудит. А Митенька бы и вовсе на клаксон нажимать не стал, а пошел бы сам себе открывать ворота... Значит, чужие. Что ж, жаль. Придется отвлечься, выплыть на время из своего

ВЕРА КОЛОЧКОВА

счастливо-бездумного состояния. Ничего, она потом еще вернется...

Анюта уже спешила к воротам, натягивая поверх купальника старую клетчатую Митину ковбойку. Отодвинула засов на калитке, распахнула ее навстречу двоим, в нее зашедшим. Мужчина и женщина. Молодые совсем. Господи, кто же это... Лица такие знакомые... Похожие... Похожие... Нет, этого не может быть...

— Здравствуйте! — вежливо-холодно растянула в улыбке губы молодая женщина, одетая в серые джинсы-трубочки и гладко-белую футболку. Пряталась, впрочем, за этой простой ссеростью да гладко-белостью фирменная дороговизна. Вернее, не пряталась. Наоборот, наезжала некой спесивостью — такой же, как и нарочито-вежливая улыбка с ее лица.

— Здравствуйте... А вам кого? — весело-вызывающе поинтересовалась Анюта, выставя снисходительную веселость впереди себя оружием против холодной вежливости гостыи.

— Скажите, Валентина Петровна Званцева здесь проживает?

— Да, здесь. Это мама моя...

— Да? Что ж... Тогда давайте знакомиться. Моя девичья фамилия тоже Званцева. И зовут меня Ольга. Ваша двоюродная сестра, стало быть. А это ваш брат, тоже двоюродный, — Никита

Коварство, или Тайна дома с мезонином

Званцев. А вы... Вы Анна Званцева, насколько я понимаю?

— Да... Да, я Анна... Только я не Званцева...

Анюта растерянно обернулась к медленно идущей к ним по дорожке матери и вздрогнула от естественно накотившего желания встать сейчас у нее на пути, закрыть спиной от этих гостей, от вежливо-холодного взгляда этой молодой женщины по имени Ольга, назвавшей ее сестрой. Господи, что это их принесло сюда, каким таким незванным ветром?..

Да, она знала, конечно же, что у нее есть двоюродные сестра и брат. Она даже, было дело, очень давно, правда, мечтала с ними и увидеться, и познакомиться поближе. Но, упаси бог, никогда не стала бы этого делать. Потому что кто знает, как бы к этому отнеслась мама — тема эта у них всегда была сверхзапретной. Нет, не больной, конечно, но зачем, скажите, ворошить лишний раз обстоятельства прошлого, круто изменившие мамину судьбу и на долгие годы застрявшие в сердце тяжелым камнем? Камнем, замешенным на любви, на обиде, на предательстве, на жалких усилиях простить-забыть, на бессонных ночах, на осознанном выборе своего женского одиночества. Чуть тронь этот камень — и тут же он даст о себе знать материнской грустной задумчивостью да мукой в глазах, спокойно

ВЕРА КОЛОЧКОВА

переносить которую Аня так и не научилась с самого своего детства. Она вообще всегда ощущала себя маминой защитницей. Дочерью-матерью. Дочерью — широкой спиной. Даже дочерью-грубиянкой, если понадобится. А как могло быть по-другому? Вот идет по дорожке такая маленькая и гибкая-хрупкая, и большие, не потерявшие к возрасту своей изумрудной зелени глаза распахнуты широко и радостно-открыто, и губы уже сложились в удивленную и широкую, заранее ко всему благожелательную улыбку... Не женщина — марсианка какая-то. Аэлита. Потому и не стареет, наверное...

— Мам, это к тебе, — делая шаг в сторону, словно и впрямь собираясь загородить мать спиной, настороженно произнесла Аня. — Познакомься, это Ольга и Никита Званцевы...

— Вы... Вы Машины дети? Да? Не может быть... А как вы здесь... Случилось что-нибудь? Что-то с Машей? — тихо и испуганно задавала свои вопросы Тина, переводя растерянно-загнанный взгляд с красиво-надменного Ольгиного лица на лицо Никиты, рассматривающего ее с досадным равнодушием спешащей юности, вынужденной так бездарно терять драгоценное время в беседах с какой-то теткой, которой он и в глаза никогда не видел. Что из того, что она ему по крови родная, тетка эта. Какая разница. Все

Коварство, или Тайна дома с мезонином

равно чужая, получается. Если б не важное дело, черта с два поехал бы он в эту тьмутаракань — трястись в машине целые сутки...

— Нет, Валентина Петровна, — четко разделяя слова, словно с трудом сдерживая внутреннее раздражение перед чужой глупой растерянностью, заговорила Ольга. — С мамой нашей ничего не случилось. А вот отец два месяца назад умер. Такое вот дело. Наш отец, а ваш официальный муж, получается. Ведь вы, говоря языком юридическим, формально свой брак не расторгли... Ведь так?

— Да... Так... То есть нет, не расторгли... Так, значит, Антон умер... Два месяца...

— Ну да. Мама вам не сообщила — простите ее, конечно. Да и мы с Никитой тоже так решили — ни к чему это вам. Сами посудите — столько лет прошло, вы совсем чужими стали, и ваш брак с нашим отцом превратился в одну лишь пустую формальность. Я вообще не понимаю, почему вы его тогда еще не расторгли... А теперь вот у нас из-за этого сплошные проблемы! И нам бы хотелось все с вами спокойно и взвешенно обсудить. И постараться прийти к соглашению. К справедливому, я полагаю, соглашению...

— Так... Да, конечно... Проблемы... Антон умер...

Тина вдруг резко развернулась и быстро по-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

шла по тропинке к дому, как слепая, выставив вперед руку и держа спину очень прямо. Так изо всех сил старается держать прямо спину человек, боящийся упасть. Ольга удивленно проводила ее глазами и, пожав плечами, повернулась к Анюте, словно ждала от нее каких-то объяснений странного поведения матери. Анюта помолчала какое-то время, набычившись, как девчонка-строптивица, потом нехотя произнесла:

— Что ж... Проходите в дом, раз приехали... Машину во двор загонять будете?

— Ну, я надеюсь, мы к вам ненадолго, — подстроившись под ее явно вынужденную вежливость, проговорила, тонко улыбнувшись, Ольга. И тут же поинтересовалась искренне: — Слушай, сестра, сколько тебе лет, а? Ты намного меня моложе?

— Мне двадцать пять. А что? А тебе сколько? — настроженно произнесла Анюта.

— А мне двадцать семь... Стало быть, Валентина Петровна не так уж долго после расставания с отцом горевала? Зря, выходит, наша мать всю жизнь чувством вины перед ней упивалась... Ни развода, ни официального для себя брака вовремя не потребовала...

— Слушай, ты... — обернувшись к ней, резко и зло сверкнув глазами, тихо прошипела Аню-

Коварство, или Тайна дома с мезонином

та, — ты не смей так о ней, поняла? Что ты об этом знаешь вообще?

— Да ничего я не знаю. Ты, пожалуйста, не обижайся, Ань. Нам и в самом деле ничего об этой истории не рассказывали. Ни отец, ни мать. Молчали всю жизнь, как партизаны. Что там у них произошло-то?

— Да я и сама толком ничего не знаю, — отчего-то смягчившись, доверчиво проговорила Аня. — И мама мне тоже никаких подробностей не рассказывала. Я только одно знаю — она всегда вашего отца любила. Все эти годы. И потому за моего отца замуж не вышла. А ты ей прямо с ходу в лоб выдала — два месяца как умер...

— Ну, я ж не знала, что тут такая трагедия! — широко развела руками Ольга. — Кому рассказать — не поверят. Сама подумай — сколько лет прошло! Столько вообще не живут, а не то что любят кого-то. Прямо как в старинных романах...

— Ладно, вы тут устраивайтесь пока, отдохните с дороги, я сейчас... У меня там ребенок проснулся...

Бросив гостей прямо у крыльца дома, она метнулась к качающейся мягко на нежных рессорах коляске, укрытой от постороннего глаза ветками старой груши, навстречу мелькающим из нее толстеньким ножкам и ручкам, навстречу милому материнскому сердцу кряхтению хорошо

ВЕРА КОЛОЧКОВА

выспавшегося здорового младенца. Выуженная из коляски Сонечка запрыгала в руках матери, закукала что-то абсолютно радостное на своем младенческом языке, засверкала нежно-розовыми щечками да круглыми локотками-коленками. Она тоже по-своему чувствовала этот день. Видимо, он и для нее был особенно счастливым. Слава богу, бесконечно далеко ей пока до тех времен, когда этот самый день способен оборваться лопнувшей струной так же неожиданно, как сегодняшней бабушкин...

— Смотри, Никитка, какая у нас с тобой племянница! Чудо просто! — протянула к ребенку руки Ольга. — Ань, можно я подержу? Да не бойся, не уроню...

Сонечка, притихнув в незнакомых руках, долго разглядывала чужую улыбающуюся тетю, потом повернула розовое личико к матери и моргнула удивленно, словно спрашивала ее таким образом: а кто она такая есть, эта тетя, и почему она, Сонечка, вдруг стала не доченькой и не внученькой, а какой-то там племянницей?.. И тут же протянула руки обратно. Потому что тетя тетей, конечно, а на руках матери, уж простите, как-то покомфортнее будет...

— А у тебя дети есть? — забирая из Ольгиных рук ребенка, спросила Аня.

— У меня? — почему-то удивилась ее вопро-

Коварство, или Тайна дома с мезонином

су Ольга. — У меня нет, что ты... Да и когда мне! Я еще на ноги не встала как следует, и вообще... Мы с мужем пока и разговоров таких не заводили...

— Да мы тоже не заводили, знаешь! — улыбнулась вдруг весело Аня. — Чего их заводить, разговоры эти? От них дети не рождаются! Взяли и произвели на свет это чудо! И нисколько об этом не жалеем! Да, дочь?

— Гы! — радостно подтвердила Сонечка и расплылась в счастливой младенческой улыбке, продемонстрировав всем два проклюнувшихся нежных зуба-резца, и взмахнула плотными ручками, чуть не вылетев из материнских рук.

— Так, чего ж это мы на крыльце стоим? Вы в дом проходите. Сейчас я вас чаем напою, потом обедать будем...

— Нет-нет, Аня, не суетись! Ничего такого не надо. Нам бы с Валентиной Петровной вопрос решить побыстрее... Понимаешь, времени очень мало. Вот и Никита торопится...

Они вместе обернулись к сидящему на скамеечке у крыльца парню, с интересом разглядывающему дворовый интерьер с его деревьями и цветами, с заросшей толстым ромашковым ковром большой поляной и прокоптившимся мангалом в самой ее сердцевине, с колодцем и обложенным прогоревшими булыжниками ко-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

стрищем около сваленных у забора старых бревен, с открывающимся отсюда и сразу цепляющим глаз чудесным видом на изгиб реки с ее белым песчаным берегом.

— А хорошо тут у вас, знаете... — проговорил Никита тихо. — Спокойно так, будто счастьем пахнет... Как, говорите, это место называется? Я забыл... Красивое такое название...

— Белоречье, — хором подсказали ему Ольга с Анютой.

— А... Ну да... И в самом деле Белоречье... Смотри, Ольга, какой берег белый. И река от него тоже белым светится...

— Ладно, Никита. Некогда нам видами любоваться. Река, берег... Ты не забыл, что нам надо сегодня же обратно выехать? Время, время, Никита! Пошли давай! Ань, проводи нас к матери, пожалуйста. Где она?

— Ну что ж, пойдете... Мам! Ты где? — заходя в дом, крикнула Анюта осторожно. — Иди к нам...

— Здесь я, дочь.

Тина выглянула из большой комнаты, улыбнулась навстречу входящим вслед за дочерью гостям. Сердце Анютино тут же и сжалось в комочек от вымороченной этой материнской улыбки, от вмиг потерявших привычную зеленую прозрачность глаз, будто приглушила, прошлась по

Коварство, или Тайна дома с мезонином

ним в одночасье злая патина времени. С трудом подавив в себе вздох досадно-жалостливого дочернего понимания, она лишь гостеприимно протянула руку приглашающим жестом — проходите, мол, в комнату, чего на пороге стоять...

— Валентина Петровна, вы простите нас, конечно, что мы вот так ворвались со своей проблемой. Надо было предупредить, конечно. Но мы ведь и адреса вашего толком не знали! Искали село под названием Белоречье, а ни улицы, ни номера дома не знали... Спрашивали у всех, где здесь живет Званцева Валентина Петровна. Кстати, вы очень здесь популярная личность, знаете ли! У кого ни спрашивали, нам всякий дорогу показывал...

— А почему у мамы своей адреса не спросили? Или она забыла его уже?

— Нет, не забыла, наверное. Только мы ей не стали говорить, что к вам поехали. Не стали беспокоить.

— Почему?

— Ну, так уж получилось... Да она бы и не пустила нас. А ехать к вам все равно обстоятельства заставили. Только... Мы ведь не думали, что для вас это так... Что вы так болезненно все воспримете... — осторожно заговорила Ольга, присаживаясь напротив Тины за стол, по-деревенски покрытый белой ажурной скатертью.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ничего. Все в порядке, ребята. Говорите, что у вас за обстоятельства такие срочные.

Тина произносила слова ровным, ничего будто не выражающим голосом, смотрела в глаза прямо, плечи держала ровно, и только сцепленные пальцами одна в другую ладони выдавали внутреннее ее напряжение, которое, казалось, все ушло в эти сжатые мертвой хваткой пальцы.

— Понимаете ли, в чем дело, Валентина Петровна... Отец ведь наш завещания не успел оформить... Он, знаете ли, скоропостижно скончался, от инфаркта. А вы на сегодняшний день так и являетесь его законной женой, то есть юридически входите в круг наследников первой очереди... Вы понимаете, о чем я говорю?

— Да. Понимаю. Конечно же.

— Но согласитесь, Валентина Петровна, это же несколько несправедливо получается. Вот и Никита тоже так считает. Выходит, вам теперь может отойти значительная доля наследства... Ведь так? Правильно я рассуждаю?

— Правильно.

— Но вы согласны со мной, что фактически к наследству нашего отца вы не имеете никакого уже отношения? Вы же не виделись с ним с тех пор, как... Как...

— Да. Не виделась.

— И ничего о нашей жизни не знали...